

TRIBALISM AS A SOCIAL PHENOMENON IN MODERN CONDITIONS

M.R. Kydyralieva

Institute of Philosophy and Political and Legal Research
of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic

Key words. Tribalism, tribal relations, archaism, political consciousness, ethnic psychology, ethno, Ethnopolitology.

Abstract. This article analyzes the social essence of tribalism in Central Asia in the post-Soviet period. We consider the various types of modern tribalism, its differences from the clan. The features of tribalism of postnomads and ethnoregionalism of traditionally settled parades are given.

ТРАЙБАЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

М.Р. Кыдыралиева

Институт философии и политико-правовых исследований
Национальной академии наук Кыргызской Республики

Ключевые слова. Трейбализм, родоплеменные отношения, архаизм, политическое сознание, этнопсихология, этносоциология, этнополитология.

Аннотация. Статья посвящена анализу социальной сущности трейбализма в Центральной Азии в постсоветский период. Рассматриваются различные типы современного трейбализма, его отличия от клановости. Показаны особенности трейбализма постномадов и этнорегионализма традиционно оседлых народов.

Слово «tribe» в переводе с английского языка означает «племя». Под трейбализмом, на наш взгляд, следует понимать комплекс субэтнических отношений, образующихся между различными родоплеменными образованиями или родоплеменную идентичность, причем, в наиболее их радикальном понимании.

Весьма плодотворной для объяснения данной трактовки трейбализма представляется применение классификации разновидностей этнической идентичности Садохина А.П., который выделяет семь ее основных типов: а) нормальный; б) этноцентристский; в) этнодоминирующий; г) этнический фанатизм; д) этническая индифферентность; ж) этнонигилизм; з) амбивалентный. Сами названия типов этнической идентичности раскрывают их сущность¹¹².

Так, на наш взгляд, к трейбализму следует отнести этнодоминирующий тип в родоплеменных отношениях, выражающийся в эксклюзивизации интересов, признании превосходства представителей своей родоплеменной общности по сравнению с выходцами из другого родоплеменного образования и дискриминации последних. Но, самую радикальную форму трейбализм получает при этническом фанатизме в разрезе родоплеменных отношений, когда он

¹ См.: Садохин А.П. Этнология. – М.: Гардарики, 2001. – С. 134-135

становится агрессивным, идеологически аргументированным стремлением конструирования государственной или иной элиты лишь по родоплеменному признаку.

В научной литературе существует и противоположная точка зрения. Так, А.Б.Болпонова пишет: «Серьезные аналитики часто путают понятия «этничность» и «tribe», утверждая при этом, что «трайбализм» есть высшее проявление этнического конфликта. На наш взгляд, ошибочно само предположение, что трайбализм играет исключительно конфликтную роль в политической жизни государства. В современном мире, где родоплеменное самосознание существует в разнообразных формах, и нет никакого основания приравнивать его склонности к конфликту или патерналистскому типу государственности. Обсуждение вопросов трайбализма и родоплеменных отношений в современной политике не должно вызывать негативных представлений, не вписывающихся в современный мир. Во многих случаях родоплеменные подразделения являются одним из центральных факторов современной политики»¹³.

На наш взгляд, здесь налицо терминологическая путаница, когда все типы родоплеменного самосознания сводятся к двум этнодоминирующим его типам, носящим трайбалистский характер.

Как было отмечено выше, кроме этнодоминирующих типов родоплеменной идентичности и отношения имеются и этноцентристский, нормальный и этнодефицитные вплоть до амбивалентного типы. Подобные характеристикам трайбализма являются признаком дисциплинарной узости научного анализа. Для более адекватного объяснения трайбализма, как социального явления, необходим комплексный междисциплинарный подход.

Достижения в этнопсихологической, этносоциологической и этнополитологической науках, в области исследования межэтнических субэтнических отношений и этнической и субэтнической идентичностей, позволяют оценить социальную роль трайбализма как негативную, разрушающую целостность этноса и общества. Поэтому нельзя говорить о негативных и позитивных сторонах трайбализма, а только лишь родоплеменных отношений и идентичности.

Исследователи трайбализма классифицируют его как политический, историко-культурный и социальный.

В первом случае происходит проникновение некоторых группировок, основанных на родоплеменных принципах в органы государственной власти, влияя на решения на национальном и местном уровнях. Причем подобные группы не несут ответственности перед государством. У кочевников политическая власть опирается на генеалогию, отражающую традиционное право первородства и старшинства. Генеалогия выполняла регулятивную функцию в кочевом обществе. В ней важное место занимало структурирование племенных конфедераций на «младшие» и «старшие» племена, т.е. практиковалась строгая иерархия родоплеменных образований. Вокруг сильных старших родов и племен, консолидировавших более мелкие и слабые младшие родоплеменные структуры, образовывались боеспособные военные союзы как основы кочевых государственных образований вплоть до кочевых империй.

Генеалогия кочевников определяет статусное положение и роль различных родов и племен и их полномочных представителей в принятии тех или иных политических решений.

Вторая разновидность трайбализма – социальная – отражает тип участия группировок, образованных по генеалогическому принципу в мероприятиях социальной поддержки членам того или иного рода или племени. Чувства родственной солидарности и лояльности способствуют регулярному общению внутри рода на основе установленных ритуалов, особенно в период тех или иных событий – похорон, поминок, юбилеев, кризисов и побед. У кочевников и постномадов практикуется сложная многоуровневая идентичность, включающая кроме этнонациональной, также родоплеменную принадлежность, в том числе и принадлежность к той или иной конфедерации племен (жузам, канатам – крыльям и др.)

Историко-культурный трайбализм – архаизация общественных отношений в современных условиях с помощью возрождения родоплеменных принципов и ценностей. Системный социально-экономический, политический и духовный кризис в постномадических обществах призвал

¹³ Болпонова А.Б. История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX-XX вв.). – Б.: Maxprint, 2013. – С. 51-52.

родоплеменные механизмы для выживания социально уязвимых слоев населения и достижение политической элитой своих целей в борьбе за ресурсы. Таким образом, на современном этапе сущность трайбализма заключается в переплетении родоплеменного разделения с государственными органами¹¹⁴.

С трайбализмом, как социальным явлением, тесно соприкасается такой групповой феномен как клановость. Под кланом часто понимается родоплеменная структура, семейственность, биологическое и социальное родство, общность родственников с единой территорией и формой собственности на средства производства и др., которые характеризуются кровнородственными контактами и отношениями. Современные исследователи считают, что клан – это объединение, основанное на системе непосредственно личностных (дружеских, родственных, этнических, земляческих) или опосредованных (деловых, профессиональных, административных и т.д.) взаимоотношений, имеющих общую хозяйственную основу для функционирования²¹⁵.

При анализе понятий «трайбализм» и «клановость» следует подходить конкретно исторически.

В традиционном кочевом обществе трайбальные отношения, ценности, идентичность играли большую и, часто, доминирующую роль. И для этого периода трайбализм и клановость следует рассматривать, как синонимичные и, в некоторых случаях, как тождественные и идентичные. Но уже в постномадическом обществе родоплеменные отношения, идентичность и, особенно, трайбализм не могут играть доминирующую роль, уступая место клановости, которая понимается более шире, включая в себя не только кровнородственную общность, но и деловые, партнерские, профессиональные, земляческие и другие связи и интересы. Верно отмечает Е.К.Кушербаев: «Одним из типов этнических отношений являются субэтнические отношения, характеризующие взаимодействие различных групп внутри этноса. Этот тип отношений сохраняется и играет значительную роль во многих переходных постсоветских обществах.

Термин «трайболистские» часто заменяет понятие субэтнических отношений, но он не полностью отражает их сущность, так как в современном мире, практически, невозможно обнаружить «племя» в чистом виде. Внутриэтническая дифференциация детерминирована в большей степени исторической памятью этноса, нежели реальным существованием родоплеменного строя. Для посттоталитарного традиционного общества неизбежным становится корпоративизм и усиление неформальных связей. В условиях переходного общества родоплеменные отношения чаще имеют вид регионально-клановых и выступают мощным средством в политической борьбе местных элит за власть. После распада СССР родоплеменные или подобные субэтнические трения активизировались во многих республиках. Определяя содержание политического процесса, а в Таджикистане и Грузии они привели к гражданской войне»³¹⁶. «Рост конфликтности в обществах переходного типа – побочный продукт развития деколонизации, демократизации, своего рода плата прогрессивные процессы. Политизированный облик межгрупповой розни через этнические, региональные, клановые противопоставления, расширение сферы ее проявлений – безусловно, свидетельство воздействия современных факторов... на сознание людей, а затем постепенно и на саму этносоциальную среду, на характер межгрупповых противоречий»⁴¹⁷.

Все три типа трайбализма получают свое распространение в постсоветских постномадических обществах.

А.А.Клинецов совершенно справедливо пишет «Трайбализм остается одним из важнейших атрибутов государственности и общественной жизни в постсоветских государствах Центральной

¹ См.: Болпонова А.Б. История и эволюция клановой системы в политических процессах кыргызского общества (XIX-XX вв.). – Б.: Maxprint, 2013. – С. 52-53.

² См.: Ламажаа Ч.К. «Клан»: понятие в социальных науках// Знание. Понимание. Умение. – 2008. - №2. – С. 121-131.

³ См.: Кушербаев К.Е. Основы этнополитологии. Алматы: Институт развития Казахстана, 1996. – С. 30-31

⁴ Развитие межэтнических отношений в независимых государствах Центральной Азии. – Бишкек, 1995. – С. - 196

Азии и это не подвергается сомнению ни зарубежными, ни российскими, ни центральноазиатскими политологами»¹¹⁸.

Кыргызский философ Ж.К.Урманбетова, рассматривая специфику политического сознания и социальной памяти, как одного из наиболее существенных моментов, отражающих своеобразие перехода к демократическому бытию, утверждает, что «родовые признаки политического сознания достаточно сильны, стабильны на уровне подсознания, что способствует яркому проявлению трайбализма в современной политике»²¹⁹.

Именно в кризисные моменты развития общества, трайбализм приобретает статус функциональности, заново актуализируясь и превращаясь в стратегический момент развития общественных отношений. В условиях суверенитета, трайбализм, несмотря на проникновение определенных форм бытия, демократической культуры и прагматизм глобальной культуры, став элементом косвенной правовой культуры граждан общества³²⁰. Поэтому, по мнению автора, при рассмотрении феномена трайбализма целесообразно поднять вопрос о единстве и разобщенности общества. В этом смысле акцент смещается от процессов консолидации до размежевания по тем же родовым признакам.

Казахстанские ученые также выделяют трайбализм как важный современный феномен в постсоветских условиях. «Трайбализм – это, прежде всего, сохраняющиеся архаичные институты и организации, связанные с родоплеменным строем, архаичность социального развития, низкий уровень этнических процессов, враждебное отношение одной этнической группы к другой, этношовинистическая политика, направленная на предоставление льгот и привилегий определенной этнической группе в целом или ее представителям, использование этнического фактора в политических целях»⁴²¹.

Туркменский политолог Ш.Кадыров считает, что в Туркмении «после роспуска СССР, трайбализм становится центральным и вместе с тем глубоко запутанным во фразеологии национализма, элементов внутренней политики»⁵²².

Таким образом, трайбализм, как социальное явление характерен для Кыргызстана, Казахстана и Туркмении, как в прошлом, так и в настоящем. Действительно, коренные народы этих центральноазиатских стран относятся к постномадам, имеющим глубокие родоплеменные традиции, и осевшие, в своем большинстве, в 30-50 гг. XX века. В условиях системного кризиса трайбализм выступает как привычный защитный механизм – архетип адаптирования к форс-мажорным обстоятельствам постсоветского развития постномадических обществ.

Но, в научной литературе встречаются ошибочные представления о бытовании трайбализма, как социального явления среди коренных народов Таджикистана и Узбекистана в постсоветский период. Так, А.А.Клинецов утверждает: «В Таджикистане трайбализм является «оседлым» и поэтому более «земляческим» по своему характеру, чем «родоплеменным». Гражданская война 1990гг отчетливо показала гетерогенность и значительность трайбальных корней в жизнедеятельности населения страны, где северные и южные таджики, жители равнин и горцы. «Чистыми» таджиками в стране считают памирцев, каратегинцев, дарвазцев – древнейших аборигенов Таджикистана. «Не чистыми» - «кулябцев» и «худжандцев», которые более других смешивались с тюрками»⁶²³.

¹ Клинецов А.А. Трансформация развития политических архетипов в их влиянии на международные отношения постсоветских государств Центральной Азии/ Под ред. П.П.Литвинова. – М. – Бишкек: КРСУ, 2008. – С. 10

² См.: Урманбетова Ж.К. Истоки и тенденции развития кыргызской культуры. – Бишкек: Илим, 2008. – С. 124

³ См.: Там же, - С. 125-126

⁴ См.: Абенев Е.М., Арынов Е.М., Тасмагамбетов И.Н. Казахстан: эволюция государства и общества. – Алматы, 1996. – С.85-86

⁵ Кадыров Ш. Политические технологии советской и постсоветской Центральной Азии// Вестник Евразии. – 2005. - №4 (30) – С. 214

⁶ Клинецов А.А. Трансформация развития политических архетипов в их влиянии на международные отношения постсоветских государств Центральной Азии/ Под ред. П.П.Литвинова. – М. – Бишкек: КРСУ, 2008. – С. 19

В другом фрагменте своей книги данный автор пишет: «В «оседлом» Узбекистане ситуация с трайбализмом схожа с таджикской, здесь он тоже имеет «земляческий» (клановый, региональный) характер»¹²⁴.

А.А.Клинецов называет этнорегионализм традиционно оседлых народов Центральной Азии «оседлым, земляческим» трайбализмом. Исходя из данной позиции, таким же образом, этнорегионализм восточнославянских народов – русских, украинцев, белорусов также следует называть «оседлым, земляческим» трайбализмом. Как известно, традиционно оседлая, земледельческая, городская культура узбеков, таджиков, уйгуров Центральной Азии имеет не менее богатую многовековую историю, чем у восточно-европейских славян.

О трайбализме в Узбекистане и Таджикистане, на наш взгляд, возможно, утверждать применительно только к небольшой части кыргызского, казахского, туркменского населения этих стран и малочисленных бывших в прошлом кочевых, полукочевых племен узбеков и таджиков.

Поэтому о родоплеменной идентичности стоит говорить только лишь применительно к бывшимномадам. Так, Н.Масанов совершенно справедливо отмечает, что необходимо вычленить два полюса идентичностей, на одном из которых номады (казахи, кыргызы, туркмены), а на втором – оседло земледельческое население (таджики, сарты и др.), а между ними располагается большое количество пограничных групп.

В формировании этнической общности главную роль играет адаптация к природным условиям, и идентичность возникает на стадии равновесия между средой и социумом. Поэтому, не исключено, что такая черта кочевого общества, как родоплеменная идентичность, была порождена и особенностями передачи информации и собственности в кочевой среде²²⁵.

По мнению кыргызского философа А.К.Джусупбекова этническая идентичность номадов и постномадов подразделяется на три основных уровня – родоплеменной (клановый), этнорегиональный (этнолокальный) и общетнический (этнонациональный). В отличие от этнической идентичности традиционно оседлых этносов, которые, практически, имеют только этнорегиональный и этнонациональный уровни³²⁶.

Говоря о трайбализме, как о социальном явлении в постсоветский период, следует не упускать из виду, что он характерен не только для постномадических стран Центральной Азии, но и для Российской Федерации. Трайбальные и внутритрайбовые отношения, ценности, идентичности в современных условиях испытывают период своего ренессанса у российских постномадов Северного Кавказа, Южной Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, Поволжья, таких как калмыки, буряты, башкиры, ногайцы, карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, алтайцы, тувинцы, хакасы, шорцы, якуты и др.

Таким образом, трайбализм, как социальное явление в современных условиях в постномадических государственных образованиях Центральной Азии и Российской Федерации возрождается как политика, идеология, идентичность, этнокультурный феномен и система традиционной социальной поддержки сородичей и соплеменников, влияя на социально-экономическое, политическое, духовно-нравственное, этнонациональное развитие своих государств.

¹ См.: Там же. – С. 20

² См.: Масанов Н.Э. Социально-экономические отношения в казахском кочевом обществе – Алматы, 1997. – С. 37

³ Джусупбеков А.К. Этническая идентичность номадов. Бишкек: Илим, 2009. – С. 243